

ОТ РЕДАКЦИИ

Май после 1945 года стал месяцем рубежным. Война и мир. Именно о таком рубеже, порой едва различимом, писал Лев Николаевич в своей, вечными образами скрепленной, эпопее.

Это лишь кажется, что войны заканчиваются, а потом начинаются новые. Наверное, правы те историки, которые считают, что нет Первой и Второй мировых, а есть одна большая нескончаемая война. Не окончена война эта и сегодня.

Сегодня наш новейший якобы мир обрастает новейшими ритуалами, ритуалы эти обрастают чи-

новничьим жирком и внутриритуальными разборками. А те, кого не вернешь, — видят ли они нас, грешных? Права ли Ольга Берггольц перед великим надгробьем в своем правдивом пафосе?

Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем. Так их много под вечной охраной гранита.

Но знай, внимающий этим камням,
Никто не забыт и ничто не забыто.

Но в нашей глухой реальности зачастую не только забыто, а порой и не рассмотрено, неведомо даже! Только подлинная литература наша среди пожарниц собственных пытается сберечь потаенное, родное, беззащитное...

ЗАБЫТЫЙ ПОЛК

Мама моя — Попова (в девичестве Степанова) Татьяна Трофимовна — никогда правительственными наградами награждена не была. Не

отметили ее и на 90-летие. А пару лет тому назад, когда шумно праздновали очередную годовщину Победы, мизерную надбавку — 3000 рублей — украли. Во всяком случае, до адресата она не дошла.

Да и в самом деле, что такое «трудовой фронт»? Сегодня об этом мало кто знает. Тем более на трудовой она не была. Все сведения о трудовом фронте в пафосных фолиантах ограничиваются «героическими буднями советского народа» и лозунгом «Все для фронта, все для победы».

Мама на эту тему распространяться не любила, а после 94 лет уже не может, память подводит. Все, что мы знаем: ее перед самой войной вывез из Питера ее брат, Алексей, иначе не появился бы спустя двадцать лет и я в этом городе «знакомом до слез».

Она вернулась в родную деревню Краснослудье, где ее семью в 30-х, деда Трофима и бабушку Анну раскулачили в пух и прах, взяли все, оставив лишь дом, даже яблоневым садом нельзя было пользоваться, яблочки блистали соблазнительными боками, но красноармеец был страшнее желанья отведать плоды от «древа познания».

Вот в этом Краснослудье она с 41-го до 45-го в буквальном смысле пропахала всю войну.

Как?

Нетрудно догадаться. Поскольку лошадей тогда реквизировали для нужд фронта.

В трудовой книжке трудовые заслуги девушки, которой на тот момент исполнилось 17, отражены не были. В архиве Министерства обороны какие-либо сведения о трудовом фронте моей мамы отсутствуют.

Вроде бы ничего и не было. Зато каждый год приходят типовые открытки от президента, который благодарит ее за ратный труд во время войны. Денег на эти открытки, видимо, уходит немало. Во всяком случае, не меньше, чем пресловутая надбавка, которую украли.

Поэтому официальная трудовая деятельность Татьяны Трофимовны Поповой начинается с 1949 года, когда она устроилась мотористкой на шахту «Эстонсланец».

От Эстонии у нее остались довольно теплые воспоминания. А еще пару слов: хэтайга, пиим, курат — до свидания, молоко, черт!

Война отобрала у нее трех братьев: Федора, Михаила и Алексея. Они все погибли в 1942 году.

Мои дядья и мама отдали свою молодость и жизнь за родину. И мне кажется, что настоящий «Бессмертный полк» — это без вести пропавшие ветераны войны и труда, участники трудового фронта, которых забыли при жизни. Это и моя мама — Татьяна Трофимовна Попова. Пока еще живая.

Она уже ничего не понимает. И не помнит.

И не надо...

Игорь Михайлов